

Дмитрий Игоревич Овчинников родился в 1990 году в городе Рига (Латвия). С 1993 года живет в России. Окончил Сибирскую академию государственной службы, факультет государственного и муниципального управления. Поэт, публицист, прозаик. Публиковался в различных периодических изданиях, в том числе в старейшем литературном журнале Республики Беларусь «Маладосць». Проживает в городе Новосибирске.

Дмитрий Овчинников

ГУМИЛЕВ, БЛОК И КОНЕЦ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Размышляя о судьбах России и русской культуры, невольно обращаешься памятью к некоторым переломным, знаковым моментам, которые ознаменовали собой качественные, глобальные перемены в общественно-политической жизни страны и во многом предопределили дальнейший ход ее истории. Один из таких моментов, я убежден, имел место чуть более ста лет назад, в августе 1921 года, когда с разницей в несколько дней погибли два величайших российских поэта — Николай Гумилев и Александр Блок. Это совпадение, как представляется, отнюдь не случайно.

Погибли они, как известно, по-разному. Гумилев был расстрелян ЧК по обвинению в контрреволюционном заговоре, Блок же умер вследствие болезни. Но это только внешне, а de facto Блок, как и Гумилев, стал жертвой большевистского режима. Во-первых, сама его болезнь во многом была связана со сложившейся в стране обстановкой. Поначалу Блок приветствовал Октябрьскую революцию, даже посвятил ей поэму «Двенадцать». Но уже вскоре его отношение к происходящему стало меняться, о чем красноречиво свидетельствуют записи в его дневнике. Скажем, вот такая мрачная заметка от 18 апреля 2021 года: «Жизнь изменилась (она изменившаяся, но не новая, не nuova), вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и все теперь будет меняться только в

другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы». Или вот строчки из письма Блока К.И. Чуковскому от 21 мая 2021 года: «Сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще: жар не прекращается и все всегда болит. Итак, здравствуем и посейчас — сказать уже нельзя: слопала-таки поганая, гугнивая, родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка».

О настроениях Блока последних дней жизни многое говорит следующее свидетельство известного искусствоведа и литературного критика Эриха Голлербаха: «В Москве настроение Блока было особенно безотрадное. Все яснее в нем обозначалась воля к смерти, все слабее становилась воля к жизни. Раз он спросил Чулкова: «Георгий Иванович, вы хотели бы умереть?» Чулков ответил не то «нет», не то «не знаю». Блок сказал: «А я очень хочу». Это «хочу» было в нем так сильно, что люди, близко наблюдавшие поэта в последние месяцы его жизни, утверждают, что Блок умер оттого, что хотел умереть».

На основании этого многие биографы Блока делают вывод о том, что он умер не от болезни, а оттого, что музыка покинула его, что он не мог больше писать стихи, ему нечем было дышать в общественной атмосфере тех лет, отравленной ядовитыми испарениями тотального морального разложения.

Впрочем, и болезней у Блока хватало. Доктор А.Г. Пекелис определил у него болезнь сердца и острую психостению. Он быстро худел, задыхался, жаловался на боль в области сердца. Больному предписали постельный режим, но лежание в постели его угнетало. Жена, Любовь Менделеева, оставила службу в театре и ухаживала за мужем, с помощью друзей доставая провизию и лекарства. Мать, Александра Андреевна, в это время была в городе Луга под Петербургом. 4 июня Блок пишет матери: «Мама, о болезни писать нестерпимо скучно, но больше не о чем писать. Делать я ничего не могу, потому что температура редко нормальная, все болит, трудно дышать и т. д. В чем дело, неизвестно. Если нервы несколько поправятся, то можно будет узнать, настоящая ли это сердечная болезнь, или только невроты. Нужно понизить температуру. Я принимаю водевильное количество лекарств. Ем я хорошо, чтобы мне нравилась еда и что-нибудь вообще, не могу сказать. Люба почти всегда дома... Кажется, все. Саша.

Спасибо за хлеб и яйца. Хлеб — настоящий, русский, почти без примеси, я очень давно не ел такого».

В конце мая Блоку стало немного лучше. Он занялся разбором своих архивов, сжег ненужные рукописи и письма, составил перечень своих работ. Набрал отрывки 2-й и 3-й главы поэмы «Возмездие». Но в середине июня его состояние вновь ухудшилось. Консилиум врачей констатировал острый эндокардит и была признана необходимость выезда Блока для лечения в Финляндию. И здесь мы подходим ко второму пункту, который заключался в том, что, несмотря на все прошения Максима Горького, в выезде Блоку было отказано. Точнее, сначала ему вообще отказывали в возможности выезда за границу. Глава Совнаркома Ленин в насмешливых резолюциях призывал усилить питание Блока, но за границу не выпускать. Потом выезд разрешили, но без жены, а самостоятельно Блок уже куда поехать не мог. Наконец, когда Блоку разрешили выехать в Финляндию вместе с Любовью Дмитриевной, было уже поздно.

Блок скончался 7 августа 1921 года в 10 часов утра. В тот же день, к слову, был арестован Николай Гумилев.

Анна Ахматова, первая жена Гумилева, назвала Блока «трагическим тенором эпохи».

И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный, и сладкий.

И ветер с залива. А там, между строк,
Минуть и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

И в этом было много справедливого. Судя по сохранившимся записям, у Блока был высокий голос. И то, что Блок ассоциируется у Ахматовой с театральной ложей, с оперой — тоже не случайность. Постоянная тема его ранних стихов — актерство, как вынужденное ремесло, фиглярство, смех сквозь слезы, в них постоянно фигурирует треугольник итальянской commedia dell'arte: Пьеро, Коломбина, Арлекин. По-видимому, сильное впечатление на Блока произвела опера Руджеро Леонкавалло «Паяцы», новинка русского оперного сезона 1893/94 года. Одно из его юношеских стихотворений имеет эпиграф из знаменитого ариозо Канио: «Смейся, паяц, но плакать не смей!», да и все стихотворение — вольный пересказ этого монолога перед зеркалом гримерной, когда человек превращается в лицедея.

Николай Гумилев и Александр Блок

Я опять на подмостках. Мерцают опять
Одинокие рампы огни.
Мне придется сейчас хохотать...
А на сердце-то стоны одни!

Кем был на самом деле Александр Блок? Певец печальной любви, чрезвычайно тонко чувствующий человек, поэт и мистик, переживший яркие взлеты и глубокие разочарования, искавший гармонию в окружающей действительности и надевшийся обрести ее в революции, коренном переустройстве общественно-политического строя. Блоку можно предъявлять разные претензии: за странное отношение к жене, за то, что учествовал в работе Чрезвычайной комиссии Временного правительства, за то, что поддался очарованию «музыки революции», которую в своей статье «Интеллигенция и революция» он призывал слушать «всем телом, всем сердцем, всем сознанием». Но Блоку можно простить все — за его стихи.

Николай Гумилев — личность не менее яркая, и тоже чрезвычайно характерная для той эпохи.

У великого американского писателя О. Генри есть замечательный рассказ «Дороги, которые мы выбираем». Он о том, что, оказываясь на развилке, в поворотных точках своей судьбы, мы принимаем решения, предопределяющие всю нашу дальнейшую жизнь. О. Генри ставит вопрос о том, насколько судьба индивида находится в его собственных руках, зависит от его воли, а в какой степени каждый человек — заложник того, что называется судьба, т.е. рокового, providenciального, заранее предначертанного стечения обстоятельств.

На мой взгляд, это имеет прямое отношение к Николаю Гумилеву.

«Русский Киплинг», «конквистадор», основатель акмеизма, поэт-рыцарь, кавалерист и неисправимый романтик — все это Гумилев. И в его жизни было несколько таких поворотных точек, когда он имел возможность выбрать один из

нескольких возможных вариантов. Гумилев никогда не мыслил себя жертвой обстоятельств, пассивным созерцателем, которого несет поток событий и который отступает перед первым препятствием или после первой неудачи. То есть, условно говоря, тургеневским Рудиным. Напротив, он всегда ощущал себя творцом своей судьбы, воином, призванным преодолевать преграды, которые его не пугали и не могли сбить с выбранного пути. Это было его кредо, сродни толстовскому «делай, что должен, и будь что будет». И он ему следовал до самого конца, отстаивая свое право на собственный выбор, на свою «жизнь и судьбу». Недаром ведь он писал в одном из своих стихотворений:

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбрать свою смерть.

И он выбрал.

Выбрал, когда в 1918 г. вернулся из Европы в большевистскую Россию, в «логово красного зверя».

И недаром в качестве эпитафии к этому эссе я выбрал строки М.Ю. Лермонтова. Эпитет «мятежный» подходит к Гумилеву едва ли не идеально. Он всю жизнь «просил бури», даром, что родился в овечьем военно-морской славы Кронштадте, на родине балтийских моряков — «красы и гордости русской революции». Он будто проверял себя на прочность, пытаюсь понять предел своих возможностей и желая взять от жизни как можно больше. Иначе он просто не умел. А может, предчувствовал, что отмеряно ему жить совсем немного. И таким он был до самого последнего дня. Но, мечтая «о доблестях, о подвигах, о славе», Гумилев никогда не забывал о главном — о любви к родной стране и служении высокому искусству. В этом состоял его собственный «кодекс чести», которому Гумилев, подлинный «поэт и гражданин», никогда не изменял.

Свое, быть может, самое главное и, как позже выяснится, роковое, решение Гумилев принял в 1918 году, когда вернулся в советскую Россию. Это был поистине самоубийственный шаг. Тогда, напротив, все, кто мог, уезжал из «красного ада», спасая себя и своих близких от голодной смерти или застенков ЧК. Возможно, Гумилев просто не до конца понимал, куда едет, и в полной мере не осознавал всех последствий своего решения. И здесь уместен небольшой сюжет на тему роли случайности. Дело в том, что находившаяся тогда в Петербурге будущая жена поэта, А.Н. Энгельгардт, послала ему письмо, в котором рассказывала об ужасах российской жизни, всячески давая понять, что возвращаться на родину не стоит. Но сложилось так, что Гумилев этого письма не получил. Трудно сказать, повлияло ли бы это послание на его решение, здесь мы можем лишь строить догадки разной степени достоверности. Интересно, кстати, что поэт оставил за границей некоторые рукописи, что можно трактовать двояко: то ли он рассчитывал еще туда вернуться, то ли желал обеспечить их сохранность, понимая, что в красной России это будет затруднительно.

Одно мы можем сказать точно: Гумилев, подобно герою Бунина, «жил когда-то в России, чувствовал ее своей» и не мыслил себя нигде, кроме России. За нее он воевал на фронтах Первой мировой войны, ей посвятил свой поэтический дар, для нее воспитывал новых молодых поэтов. Монархист по убеждениям, он не скрывал своих взглядов, при том что в годы «красного террора» пулю можно было получить и за меньшее. Судя по последним стихам, Гумилев предчувствовал трагический исход. Словно стараясь заговорить смерть, он часто говорил своим знакомым, что проживет до ста лет. Но не сложилось.

Как известно из пьесы Мольера, говорить можно либо стихами, либо прозой. Мне кажется, о поэте лучше всего говорить стихами. Пусть даже плохими. Поэтому приведу здесь свое стихотворение, посвященное Гумилеву, как мою дань его светлой памяти. Или нашу общую дань — всех его благодарных потомков и почитателей «замечательной силы таланта», как выразился Лев Толстой в адрес Ги де Мопассана.

Его пристанище — безвестная могила,
Где сердце страстное навеки замерло.
Но до сих пор его Россия не забыла,
И слово вещее бессмертье обрело.
Убил злодей его рукою хладнокровной,
Ничто не дрогнуло в безжалостной груди.
И душу гения пронзил металл холодный,
Ее полет он оборвал на полпути.
Бесстрашный рыцарь, что преследовал звезду,
В эпоху страшную пришел конквистадор.
В мире теней он жил как в сладостном бреду,
И приговор свой подписал ему террор.
Душою чистый, шел к возлюбленной мечте
И заклинал ее: «Приди же поскорей!»
Но все мечтания распяты на кресте,
И все погибло в страшном логове зверей.
Но как бы ни был красный дьявол дик и грозен,
И сколько б зла он на земле ни учинил,
Своей звезде остался верен храбрый воин,
И право выбрать свою смерть он заслужил.

При всех различиях между Блоком и Гумилевым их роднило главное — они были не только гениальными поэтами, но и одними из главных символов русского Серебряного века, под которым в 1921 году была подведена окончательная, кровавая черта.

Если с датой конца Серебряного века все более-менее понятно, то с датой начала не все так однозначно. Обычно в качестве исходной точки берут 1892 год, когда была опубликована статья Дмитрия Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Бытуют и иные версии, но это, как представляется, даже и не столь существенно. Важно другое. Серебряный век был порождением своего времени конца XIX века. А время это было во многом уникальное. Это был *fin de siècle*, время, когда общество охватила тяга к мистике, декадентские настроения, стремление к пересмотру прежних концепций и подходов, ранее казавшихся незыблемыми. Это был период литературных экспериментов, поисков, ухода от старых традиций. В этом смысле характерно само название Серебряного века, который как бы противопоставляется классическому Золотому веку, символы которого низвергались с пьедестала и выбрасывались с «корабля современности».

Это было время, о котором впоследствии, уже во время Первой мировой войны, Блок напишет хрестоматийные строки, отразившие трагедию всего поколения Серебряного века:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего...

Еще одной отличительной чертой Серебряного века стало формирование различных литературных течений и групп. Наибольшую известность из них приобрели три направления: символизм, акмеизм и футуризм.

Первым по времени зарождения был символизм, сформировавшийся и идеологически оформившийся в конце 80-х-начале 90-х гг. Его предтечами можно назвать Мирру Лохвицкую и Семена Надсона, а самыми яркими представителями стали Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Александр Блок, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Николай Минский, Константин Фофанов, Юргис Балтрушайтис, Николай Минский, Леонид Андреев, Федор Сологуб. Главным средством художественной выразительности в творчестве поэтов-символистов был символ, образ, с помощью которого они доносили свои чувства. Символизм — это поэзия контуров, очертаний, полугонов, полная мистического флера, расплывчатости, недосказанности. Он стал наиболее декадентским направлением в российской поэзии, в нем отразились настроения упадничества и предчувствия грядущей катастрофы, характерные для большей части тогдашней интеллигенции. Как отмечают многие литературоведы, символизм стал вершиной русской поэзии с точки зрения музыкальности звучания. Четкая композиция, плавный ритм и контрастные цвета — вот залог той самой музыкальности стихотворений, которую выделяют филологи.

Символизм оставался главенствующим литературным направлением вплоть до начала 1910-х годов, когда его место занял акмеизм. Литературовед Виктор Жирмунский называл акмеистов «преодолевшими символизм». Лидерами акмеизма стали Николай Гумилев, Анна Ахматова, Сергей Городецкий, Осип Мандельштам, Михаил Зенкевич, Георгий Иванов, Елизавета Кузьмина-Караваева. Основателем и идейным вдохновителем движения был Гумилев, провозгласивший возврат к четкости образов, простоте языка, а также материальность, предметность тематики и образов, точность слова. Акмеизм по Гумилеву — это культ конкретности, «вещественности» образа, «искусство точно вымеренных и взвешенных слов». Программа акмеизма была впервые публично оглашена 19 декабря 1912 года в кабаре «Бродячая собака» в Петербурге. Его становление было тесно связано с деятельностью объединения «Цех поэтов», центральными фигурами которого были Гумилев, Ахматова и Городецкий. Основные положения акмеизма были изложены в статье Николая Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» от 1913 года

Среди основных особенностей акмеизма можно выделить следующие:

- самоценность отдельной вещи и каждого жизненного явления;
- предназначение искусства — в облагораживании человеческой природы;
- стремление к художественному преобразованию несовершенных жизненных явлений.

Третьим крупным направлением стал футуризм, главными представителями которого стали Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Велимир Хлебников, Алексей Крученых, Бенедикт Лившиц, Елена Гуро. В 1912 г. был опубликован первый манифест футуристов «Пощечина общественному вкусу», призывавшего «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. с парохода современности». В дальнейшем от футуризма ответвился еще ряд направлений: имажинизм Сергея Есенина и Анатолия Мариенгофа, конструктивизм Ильи Сельвинского и Владимира Луговского, эго-футуризм Игоря Северянина.

Серебряный век продолжался примерно 25 лет и являл собой не что иное, как блистательный русский Ренессанс, большой русский подъем. Крест на нем поставили революция и гражданская война. Русское искусство и после этого, конечно, не умерло и не исчезло в небытие. Оно продолжало существовать — как в Советском Союзе, так и в эмиграции. И продолжает существовать до сих пор. Но это, как говорится, уже совсем другая история.